

С. Д. КАЦНЕЛЬСОН

К ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОТОИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ ЗВУКОВОЙ СИСТЕМЫ

Гипотеза Ф. де Соссюра о происхождении индоевропейской системы гласных¹ дает возможность предположить существование такого состояния языка, когда весь вокализм насчитывал всего лишь одну гласную фонему. Сведение конкретного многообразия восстановленных для общиндоевропейской эпохи гласных к одному «основному» гласному было достигнуто путем остроумной догадки о существовании в прошлом особых согласных, так называемых «ларингалов», влиявших на качественную и количественную характеристику соседнего гласного. После того как Е. Куриловичу удалось обнаружить во вновь открытом хеттском языке отражения былых ларингалов², гипотеза де Соссюра обрела доказательную силу и завоевала себе признание большинства индоевропеистов. При этом, однако, до сих пор остаются невыясненными многие детали новой теории (например, вопрос о количестве и фонетической природе ларингалов, относительная хронология их исчезновения и др.). К числу спорных вопросов ларингальной теории относится, в частности, и предположение о моновокалическом периоде в развитии общиндоевропейского языкового состояния. Среди приверженцев ларингальной теории есть немало таких, которые признают важность ларингальной теории для объяснения происхождения исконных долгих гласных, но отрицают значение ларингалов для качественной апофонии, тем самым допуская изначальное существование нескольких основных гласных, независимо от ларингалов.

Скептицизм многих исследователей в отношении моновокалической теории во многом объясняется необычностью связанных с ней представлений: языки с одним гласным до сих пор практически не учтены наукой. Большие трудности представляет фонологическая интерпретация моновокалической системы.

О трудностях фонологического истолкования этой системы говорит виднейший представитель структуральной фонологии Н. С. Трубецкой. Воображаемый язык с одним гласным оказался бы, по мнению Н. С. Трубецкого, и с фонологической точки зрения одногласным лишь в том случае, если бы в таком языке наряду с сочетаниями типа «согласный + гласный» встречались также различные группы согласных. Гласный в таком языке противостоял бы случаям отсутствия гласного («нулевого гласного») в чисто консонантных группах и имел бы в силу этого фонематическую значимость. Если же предположить моновокалический язык, пере-

¹ F. de Saussure, *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*, Leipsick, 1879 (книга фактически вышла в свет в 1878 г.).

² J. Kurylowicz, *a indoeuropéen et h hittite*, «*Symbolae grammaticae in honorem J. Rozwadowski*», vol. I, Cracoviae, 1927, стр. 95—104. См. также его же, *Études indoeuropéennes*, I, Kraków, 1935, стр. 27 и сл.

межающий всякий раз согласные с гласными и совершенно не допускающий стечений согласных, то с фонологической точки зрения такой язык пришлось бы признать безгласным, поскольку гласный не играл бы в нем никакой смысложнаменительной роли, составляя лишь частный момент реализации согласного. Обе возможности представляются Н. С. Трубецкому настолько невероятными, что он пишет: «Поэтому следует остерегаться допущения подобных отношений для реконструируемых периодов в развитии языка, как это, к сожалению, нередко имеет место»¹.

Другие исследователи более благосклонно восприняли реконструкцию моновокалического периода в развитии индоевропейских языков, но и они не выдвинули дополнительных аргументов в защиту новой идеи. Согласно фонологической интерпретации датского лингвиста Л. Ельмслева, все слоги в протоиндоевропейскую эпоху были открытыми и оканчивались на один и тот же гласный. В таком слоге гласный не мог иметь самостоятельной фонологической значимости и выступал лишь в роли своеобразного просодического придатка к согласному. С другой стороны, и согласные, обремененные такими «просодемами», не могут рассматриваться как подлинные согласные². Отсюда можно сделать вывод, что Л. Ельмслев исходит из факта существования специфической первоначальной фонологической единицы, которая не была еще сама по себе ни гласной, ни согласной фонемой и синкретически совмещала в себе их различные свойства. Нужно заметить, что анализ Ельмслева в значительной мере обесценивается абстрактной расплывчатой манерой изложения, обусловленной «алгебраическим» подходом к звукам речи. Заменяя реальные фонемы абстрактными величинами («кенемами»), определяемыми не на основе конкретных материальных признаков, а исключительно по занимаемому ими «месту» в системе функциональных отношений, Л. Ельмслев произвольно объединяет в одну «сверхфонему» отдельные, друг от друга не зависящие фонемы, выступающие в грамматических чередованиях звуков³.

Иное решение вопроса предложил Я. Ван-Гиннекен, включивший сосюрговскую реконструкцию протоиндоевропейского вокализма в свою

¹ N. S. T r u b e t z k o y, Grundzüge der Phonologie, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 7, Prague, 1939, стр. 86—87. Сходным образом высказался по этому вопросу на последнем международном лингвистическом конгрессе в Осло Р. Якобсон. «Конфликт между реконструированным состоянием языка и общими законами, открываемыми типологией», — писал Р. Якобсон, — «делает реконструкцию сомнительной. В Нью-Йоркском лингвистическом кружке в 1949 г. я обратил внимание Г. Бонфанте и других индоевропейцев на некоторые спорные вопросы этого рода. Моновокалическая картина протоиндоевропейского языка не встречает поддержки в зарегистрированных языках мира» (R. J a k o b s o n, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics, «Reports for the Eighth International congress of linguists», Oslo, 1957, Suppl., стр. 9). Необходимо, впрочем, заметить, что Р. Якобсон несколько противоречит здесь самому себе, поскольку в специальном исследовании, посвященном типологическим законам звукового развития, он допускает такой период в существовании языка, когда различие между согласными и гласными не играло еще смысложнаменительной роли и гласный выступал лишь в качестве «сопствующего согласному явления» (см. R. J a k o b s o n, Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze, «Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar. Jan. 1940 — Dec. 1942» («Uppsala universitets årsskrift», 1942, 9), Uppsala — Leipzig, 1942, стр. 64, 69, 70).

² L. H j e l m s l e v, Quelques réflexions sur le système phonique de l'indo-européen, «Mélanges linguistiques offerts à M. Holger Pedersen» («Acta jütlandica», IX₁), København, 1937. Замечания Р. Бопрепма по этому вопросу см.: С. Н. B o r g s t r ö m, Thoughts about Indo-European vowel-gradation, «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», bd. XV, Oslo, 1949, стр. 137—139; его же, Internal reconstruction of pre-indo-european word-forms, «Word», vol. 10, № 2—3, 1954, стр. 278.

³ А. В. Д е с я н и ц к а я, Вопросы изучения индоевропейских языков, М.—Л., 1955, стр. 231—232.

обширную типологическую схему развития звуков человеческой речи. В отличие от Ельмслева и Трубецкого, Ван-Гиннекен отрицает в протоиндоевропейском не только существование гласных фонем, но и всяких нефонематических (так сказать, «разгрузочных») гласных и изображает древнейшее слово как непрерывное нагромождение согласных¹. Такая концепция не выдерживает критики ни с фонематической, ни с чисто произносительной точки зрения. В сравнительно-грамматическом плане она возвращает индоевропестике вспясть—от соссуровского учения об индоевропейской апофонии к древнеиндийскому учению о гуне, согласно которому первоначальной была нулевая, или редукционная, ступень чередования гласных. Но если общая схема Ван-Гиннекена весьма уязвима, то несомненного внимания заслуживают его высказывания о роли добавочной артикуляции в виде палатализации, лабиализации и т. д. в формировании гласных фонем.

В русской лингвистической литературе проблема моновокалического языка ставилась безотносительно к вопросам протоиндоевропейской реконструкции. При этом в русском языкознании была выдвинута идея об особом рода слоговых фонемах (силлабофонемах), предшествовавших выделению обособленных гласных и согласных фонем. Впервые, насколько мне известно, эту идею высказал один из основателей современной теории фонем Л. В. Щерба. «...хотя в ближе нам стоящих языках, — писал этот выдающийся ученый, — *s, k, t, ʃ* и т. д. и являются самостоятельными фонемами, но это отнюдь не является обязательным; можно себе представить язык, в котором все слоги открытые и состоят из одного какого-либо согласного и гласного *a*, и в таком языке фонемами будут *sa, ka, ta, ʃa* и т. д. — *a* не будет отделяться сознанием. В известном отношении к подобному состоянию, по-видимому, приближался древнеяпонский язык, что и отразилось на японском алфавите»².

Сходные мысли развивал также известный финно-угровед Д. В. Бубрих в любопытной статье, посвященной происхождению и развитию речи³. Как и Л. В. Щерба, он допускал такой этап в развитии фонетической членораздельности, когда гласный был во всех словах один и тот же, а согласный встречался лишь в комбинации с подобным гласным. В таком «фонетическом комке» основная роль смысловоразличения принадлежала, по Д. В. Бубриху, согласному элементу, а гласный элемент выполнял «работу на громкость, высоту, длительность», овестьствляя момент «свободного звучания» в качестве обязательного «аккомпанемента согласного». При этом гласный элемент мог видоизменяться, отражая воздействие соседних согласных или ударения, все еще не вычлняясь в качестве самостоятельной фонемы. Гласные фонемы появляются лишь тогда, когда вариации гласных, отражающие воздействие соседних согласных или ударения, отрываются от воздействия позиционных факторов и получают собственные качества. Такой отрыв становится неизбежным при редукции

¹ J. van Ginneken, La reconstruction typologique des langues archaïques-de l'humanité («Verhandelingen der Koninklijke nederlandsche Akademie van Wetenschappen, afdeeling Letterkunde», 44), Amsterdam, 1939. Ср. ред. В. Ярцевой на книгу Ван-Гиннекена (ИАН ОЛЯ, 1940, № 3, стр. 130—131).

² Л. В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912, стр. 8 (сноска). Много позднее в статье «О „диффузных звуках“» (сб. «Академику Н. Я. Марру», XV, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1935, стр. 451—453) Л. В. Щерба подробнее изложил свои взгляды на развитие членораздельности звукового потока.

³ Д. В. Бубрих, Несколько слов о потоке речи. К вопросу о происхождении речи, «Бюлл. ЛОИКФУН (непериодич. изд. Ленингр. О-ва исследователей культуры финно-угорских народностей)», вып. 5, 1930, стр. 4—17.

некоторых согласных до нуля, при изменении согласных по качеству, а также при передвижениях и качественных изменениях ударения.

Ряд интересных соображений о природе слогафонем можно найти в работах Н. Ф. Яковлева¹. Основываясь на анализе корней в языках абхазо-черкесской группы, Н. Ф. Яковлев восстанавливает такое состояние языка, когда согласный и гласный элементы составляли единый нерасчлененный «слогзвук», смысловозначительной функцией в котором обладал лишь согласный элемент. При большом количестве разновидностей согласных гласный вначале был собственно один, не дифференцированный и не определенный в своем качестве. Открытослоговой характер не является, по Яковлеву, обязательной чертой слогафонемы. В тюрко-татарских языках наблюдается закрытослоговой тип простейших слов-корней, как *ат* «лошадь», *ит* «собака», *ак* «белый», *ал* «возьми» и т. д. Можно, стало быть, предположить, что первоначально тип слога в слогафонеме был не упорядочен и что лишь впоследствии при стандартизации корневой структуры вырабатывается устойчивый тип корневого слога.

Понятие слогафонемы, выдвинутое в трудах советских лингвистов, предполагает, таким образом, что до выделения самостоятельных фонем «в основе слухового распознавания слов лежали консонантные признаки», система которых могла отличаться большой изощренностью, в то время как «голосовой тон обладал лишь недифференцированным тембровым оформлением в надгортанных областях и мог служить преимущественно основой звучания каждого слога»². Будучи недифференцированным, гласный элемент слогафонемы легко мог принимать различную тембровую окраску под воздействием соседних согласных, что заставляет относить тембровую характеристику не к гласному, а к согласному элементу слогафонемы или даже к слогафонеме в целом. Гласные и согласные признаки в составе слогафонемы не следует поэтому смешивать с позднейшими самостоятельными гласными и согласными фонемами, которые вычленились из слогафонемы в результате ряда процессов, связанных с редукцией некоторых согласных до нуля, передвижкой ударения и стабилизацией корневой структуры. Составлявший специфическую фонему слог мог первоначально быть как открытым, так и закрытым, и лишь с выработкой определенной корневой структуры устанавливается тот или иной тип слога.

*

Вряд ли можно назвать случайным тот факт, что представители различных областей языковедения — как индоевропейцы, так и неиндоевропейцы — независимо друг от друга пришли к предположению о моновокалическом типе языка как основе позднейшего формирования гласных фонем. Но, разумеется, понятие о моновокалическом типе языка останется гипотетическим до тех пор, пока не будет найден хотя бы один язык такого типа. Языки абхазо-черкесской группы хотя и близки к такой структуре, но все же не могут служить однозначным доказательством существования моновокалических языков. Есть, однако, язык, в котором, насколько можно судить по неполным и противоречивым описаниям, сохранился моновокалический тип. Речь идет о языке австралийского племени аранта, наиболее изученном из австралийских языков.

¹ Н. Яковлев и Д. Ашхамов, Грамматика адыгейского литературного языка, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 404—406; Н. Ф. Яковлев, Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 318—323.

² А. Л. Трахтеров, Основные вопросы теории слога и его определение, ВЯ, 1956, № 6, стр. 15.

Фонетическая система языка аранта определяется разными исследователями по-разному. Разнобой и несогласованность показаний проистекают из разных источников. Отчасти разнобой объясняется недостаточной фонетической и фонологической выучкой некоторых исследователей. В большей мере, однако, его можно объяснить спецификой самого объекта, своеобразием фонематической системы аранта, не укладывающейся в привычные фонетические представления, и непривычной полисемией многих слов.

Можно привести многочисленные примеры того, как исследователи, сталкиваясь с различными фонетическими вариантами одного слова, принимали их за разные слова или, встречаясь с различием значений одного слова, стремились обнаружить несуществующие звуковые различия. Так, Планерт (или его осведомитель Веттенгель) различает *itia* «младший брат» и *tjea* «младшая сестра». Как указывает Штрелов-отец, перед нами здесь два диалектных варианта одного слова, означающего как «младший брат», так и «младшая сестра». Штрелов-отец разграничивает *patta* «гора» и *botta* «куча», но Штрелов-сын приводит как *pota*, так и *bota* в значении «гора». Штрелов-отец различает *ingua* «ночь» и *inkua* «скрытые под водой съедобные корни тростника»; Штрелов-сын приводит *igua* в обоих значениях¹.

Расхождения источников в определении состава гласных особенно велики. Кемпе находит в аранта 5 кратких гласных (*a, e, i, o, u*), долгие гласные (например, *ā* в слове *lāda* «краска») и 3 дифтонга (*ai, au, oi*). В записях Штрелова-отца, в общем придерживавшегося системы Кемпе, долгие гласные встречаются крайне редко. Штрелов-сын, опубликовавший специальную работу по фонетике аранта, резко отклоняется от своих предшественников, выделяя до 23 разновидностей гласных².

Нет оснований сомневаться в том, что тонкий слух исследователя способен уловить в аранта большое число оттенков гласных. Но в какой мере эти оттенки являются самостоятельными фонемами? Анализ текстов и сопоставление различных источников показывают, что исследователи не отличали позиционных вариантов от самостоятельных фонем. А. Sommerfelt, впервые предпринявший попытку фонологического истолкования источников³, приходит к выводу, что в аранта всего три гласные фонемы, именно — *a, i, u*. Интерпретация Sommerfelta представляется мне неокончательной. Не только все отмеченные в первоисточниках многочисленные гласные, но и выделенные Sommerfeltom три гласные фонемы представляются мне позиционными вариантами, обусловленными соседними согласными. Чтобы убедиться в этом, обратимся к рассмотрению консонантизма аранта.

¹ Основные источники, содержащие данные об аранта (в скобках после каждого названия мы даем условное сокращение, которым будем в дальнейшем пользоваться при ссылках на источники): С. Strehlow, Die Aranda und Loritja-Stämme in Zentral-Australien, Frankfurt a. Main, 1907—1920 (III.); H. Kempe, A grammar and vocabulary of the language spoken by the aborigines of the MacDonnell Ranges, South Australia, «Transactions of the Royal Society of South Australia», XIV, I, Adelaide, 1891 (R.); B. Spencer and F. J. Gillen, The Arunta, London, 1927 (Сп.); W. Planert, Australische Forschungen, I Aranda-Grammatik, «Zeitschr. für Ethnologie», Jg. XXXIX, Hf. IV—V, 1907, стр. 551 и сл. (П.); Работы Штрелова-сына по фонетике и грамматике аранта: Т. Г. H. Strehlow, Aranda phonetics, «Oceania», vol. XII, № 3, 1942; его же, Aranda grammar, «Oceania», vol. XIII, №№ 2, 4, 1942; vol. XIV, №№ 1, 2, 1943 (О.).

² Довольно подробное изложение работы Штрелова-сына по фонетике аранта без всякой попытки фонологического ее истолкования дал С. А. Токарев в кн. «Народы Австралии и Океании» (под ред. А. С. Токарева и С. П. Толстого, Изд-во АН СССР, М., 1956, стр. 83 и сл.).

³ A. Sommerfelt, La langue et la société. Caractères sociaux d'une langue de type archaïque (Institutet for sammenlignende kulturforskning, Serie A, XVIII), Oslo, 1938, стр. 42 и сл. См. также его статью «Le système phonologique d'une langue australienne» («Travaux du Cercle linguistique de Prague», 8, 1939, стр. 209 и сл.).

В составе согласных аранта нет щелевых и аффрикат. Звук, который обозначается источниками в виде *tj* (Ш.) или *ch* (Сп.) и который, по свидетельству Кемпе, звучит как англ. *g* в *gentle*, является, как мне кажется, среднеязычным *k'* (с факультативным вариантом *g'*, поскольку в аранта, как и в других австралийских языках, глухие и звонкие согласные фонологически не различаются). Что перед нами здесь именно среднеязычное *k'*, видно из того, что в одном и том же слове в текстах встречается то *tj(ch)* то *k(g)*; ср. у Штрелова-отца *intjinama* и *inginama* «восходящий дым», *artja* и *arka* «ноги»; ср. еще *irkilentja* (Ш.) и *irkilenga* (Сп.) «коричневый ястреб».

Помимо смычных *p*, *t*, *k'*, *k*, в аранта существует параллельный им ряд носовых: *m*, *n*, *n'*, *ɲ*¹. Отмеченный Штреловым-сыном в словах *njinta* «один», *njilkna* «тайно» и др. носовой *nj* является, видимо, среднеязычным носовым, соответствующим среднеязычному смычному *k'*. Как замечает Штрелов-сын, этот носовой произносится как *n* в англ. *new*, а в середине слова часто звучит как звонкий палатальный носовой [ɲ], подчас трудно отличимый от велярного носового [ŋ]. Этим, видимо, объясняется, что суффикс *-rinja*, обозначающий жителя определенной местности (ср. *apotarinja* «человек, обитающий в горах»), в одних источниках значится как *-rinja*, в других — как *-ringa*. Колебания в написании встречаются и в одном источнике, например *itingitinga* и *itinja* «совсем близко» у Штрелова-отца, отмечающего вторую форму как «архаизм».

В аранта встречается еще один ряд носовых, которые условно можно обозначить как носовые моментальные, или взрывные. В текстах моментальные носовые чаще всего обозначаются в виде сочетаний согласных *pm*, *tn*, *tnj*, *kn*. Сомерфельт рассматривает их как сочетания согласных. Между тем ряд обстоятельств позволяет считать, что перед нами особые носовые фонемы. Об этом свидетельствуют колебания в написании, наблюдающиеся нередко даже у одного и того же исследователя. Губной моментальный носовой чаще всего обозначается сочетанием *pm*, вместе которого иногда встречается *bm* в силу фонологической прелевантности звонкости; ср. *obma*, *wobma* (Сп.) и *apma* (Ш.) «змея»; *abmoara*, *abmura* (Сп.) и *pmoara* (О.) «сладкий напиток». Для определения фонетического характера *pm* существенны следующие отступления в написании. Вместо *pm* (*bm*) в текстах нередко отмечается простое *m*, показывающее, что перед нами не группа согласных, а особый носовой; ср. *mulyanuka* (Сп.) и *pmaljanika* (Ш.) «чужая фратрия племени в отличие от своей», *morlbura* (Сп. — первое *r* здесь, по образцу английской орфографии, обозначает долготу предшествующего гласного, не играющую, впрочем, в аранта фонологической роли) и *pmulbura* (Ш.) «дыхательное горло». Небезынтересен также отмечаемый Штреловым-сыном факт замены *pm* в языках соседних с аранта племен унмачера, кукатя, нгалия и пинтуби долгим *mm*; ср. унмачера *ammulbura* «дыхательное горло»; ср. еще аранта *pmarama* и унмачера *ammarama* «спрашивать».

Что *p* в сочетании *pm* отражает лишь особый фонетический эффект взрыва, сопровождающего произношение носового, можно видеть еще из того, что исследователи вместо *pm* часто пишут *tm*. Так, Штрелов-отец систематически пишет *tmara* «ложе, стоянка», у сына же всюду *pmara*. Характерно, однако, что, придерживаясь единообразного написания *tmara*, Штрелов-отец сам пишет *pmara* в случаях, когда он не узнает слово, например в сложном слове *uapmara* «горелый кустарник» — от *ura* «огонь» и *pmara* — в целом «стоянка огня, место, где побывал огонь».

¹ Мы отвлекаемся здесь от какуминальных или ретрофлексных *t*, *n*, роль которых в звуковой системе аранта нуждается в уточнении.

Штрелов-отец отмечает для *tmara*, помимо значений «ложе» (т. е. «корытообразное углубление, вырываемое в земле для ночного сна») и «ночлег, стоянка», еще и третье значение «особая разновидность деревянного корыта»; у Сп. же различаются *tmara* «стоянка» и *apmara* «деревянное корыто» (любопытно, что Штрелов-сын проводит разграничение в другом направлении: *ptara* — с кратким *a* и мягким *r* — «ложе, стоянка» и *pta: ra* — с долгим *a* и твердым *r* — «большое деревянное корыто»). Ср. еще *tmulbura* (К.) «дыхательное горло» вместо уже упоминавшихся *ptmulbura*, *ptolbura*; впрочем, и у Штрелова-отца встречается один раз *tmulpura* (о горле змеи). Ср. еще *ultmunta* (К.) и *ulbmunta* (О.) «пыль». Иногда (значительно реже) вместо *pt* встречается *km*. Так, у Сп. — *urukma* наряду с *upma* «рубцы на коже (вид татуировки)».

Как и губной моментальный носовой, различные обозначения в текстах получает и зубной моментальный носовой. Так, вместо сочетания *tn* нередко находим простое *n*; ср. *nurtunja* (Сп.) «шест, используемый в некоторых обрядах» (*j* у Сп., как в английском, соответствует *dʒ*) и *tnatantja* (Ш.). У соседей аранта вместо *tn* здесь долгое *n*: унмачера *annatantja*. Подобно тому, как вместо *pt* встречается иногда *tm* и даже *km*, так и вместо *tn* иногда находим *kn*; ср. *ntapikna* (Ш.) «разновидность рыбы» и *interpitna* (Сп.) «лещ»; *knama* (Сп.) и *tnama* (Ш.) «стоять».

Среднеязычным *k'* и *nj* соответствует в ряду моментальных носовых *-tnj*. Исследователи нередко смешивают его с *tn*; ср. *aritna* (Сп.) и *retnja* (О.) «имя»; *tnama* (Ш.) и *tnjama* (О.) «выкапывать палкой». Как в случае с *tn*, так и здесь вместо *tnj* встречается *knj*, *gnj* (*kn*, *gn*); ср. *aregna* (К.) «имя», *gnama* (К.) «копать палкой». Ср. еще *itnima* (Ш.) и *tnjima* (О.), *iknima* (К.) «падать»; *ekna* (Ш.) «умирающий больной», *ekna* (К.) «тяжело больной», *ekna* (П.) «мертвый», *itnja* (О.) «мертвый».

В рассматриваемом ряду моментальных носовых имеется еще веларный носовой, чаще всего обозначаемый в текстах как *kn*, *gn* (у Штрелова-сына систематически *knj*); ср. *alkna* (Ш.), *alkja* (О.) «глаз», *knulja* (Ш.), *knulja* (О.) «собака» и т. д. В языках соседних племен веларному моментальному носовому, как и другим моментальным носовым, соответствует долгий носовой; ср. аранта *knara*, унмачера *aggira* «длинный, большой».

Фонетическая характеристика *pt*, *tn*, *tnj*, *knj* как моментальных носовых еще нуждается, разумеется, в дополнительной проверке. Быть может, речь идет о моментальных носовых или «полуносовых», встречающихся в ряде африканских языков. Как бы, однако, ни определилась в дальнейшем природа этих носовых, ясно, во всяком случае, что перед нами здесь специфические носовые фонемы, а не группы согласных фонем.

Ряд смычных в аранта выявляет дополнительный признак лабиализации. С полной уверенностью это можно утверждать относительно *tw*, *kw* и некоторых других согласных. Лабиализованное *tw* встречается в словах *atwa* (О.) «охотник, взрослый мужчина», *namatwinna* (Сп.) «особый вид трещотки», *twa:rama* (О.) «смотреть вслед уходящему», *tuatja* (О.) «ущелье», *twe:da* (О.) «отделять». Лабиализованное *kw* находим в словах *kwata* (Ш.), *quarta* (Сп.) «яйцо», *kwara* (Ш.) «девушка», *ambaquerka* (Сп.) «маленький мальчик». Огубленность *kw* иногда в конце слова не улавливается исследователями; ср. *megwa* и *mega* (Сп.) «большой (о пальце)», *nukwa* (Ш.) и *nuka* (П.) «мой». Встречается также лабиализованное среднеязычное *k'w*, например в *antjua* (О.) «гнездо», лабиализованное *ɣw* — в *ingua* (О.) «ночь», в *ugwa:la* (О.) «мед» и др.

Определение плавных фонем представляет значительные трудности. Штрелов-сын различает три разновидности *r* (языковое раскатистое, фарингальное и палатальное церебральное) и три разновидности *l* (твердое, как в англ. *tall*, палатальное и «плоское»). Sommerfelt находил в текстах

лишь по одному *r* и *l*. Мне представляется несомненным существование палатальных и непалатальных плавных. Палатальное *r* является настолько мягким, что в текстах нередко заменяется *j*. Так, у Штрелова-отца находим *papa* наряду с *paia* «хвост», *teinta* наряду с «архаическим» *terenta* «каменная плита». Несомненно также наличие палатального *l*, которое Штрелов-сын отождествляет с *l* в англ. *leud* [lju:d] и обозначает как *lj*; ср. *ljupara* (О.), *ulyipera* (Сп.), *lapara*, *lupara* (Ш.) «верхняя часть ноги». Вместо *lj* в южном диалекте аранта произносят *ili*, например *ilipera* «нога», *ililama* «петь» (в других диалектах *ljelama*).

Что касается непалатальных плавных фонем, то они, возможно, бывают двоякого рода — лабиализованные и нелабиализованные. Лабиализованное *lw* можно предположить, как нам думается, в таких словах, как *alua* (Ш.), *alua* или *ulua* (Сп.) «кровь»; *lutna* или *latna* (Ш.), *ulitna* (О.) «лоб». Лабиализованное *rw* можно предположить в слове *ura* «огонь» (иногда *ru*, как в сложном слове *rukuta* «клубы дыма», буквально «огня») или в *rualba* = *uralba* (Ш.) «растение с большими ягодами».

Из сонантов, кроме отмеченных выше носовых и плавных, имеются еще *w* и *j* [например, в словах *woritja* (О.) «пустыня», *wuma* (О.) «слышать», *ja:ra* (О.) «муравей», *jinba* (О.) «кожа»]. Сонант *w* в некоторых случаях не имеет, по-видимому, самостоятельного значения и как бы вырастает из подчеркнутого произношения лабиальных и лабиализованных согласных; ср. *atuwa* и *atqa*, *atwa*, *atua* (О.) «охотник» или *arpa* «змея» (так во всех источниках, но у Сп. *obma* и *wobma*). В противоположность этому *j* иногда сливается с предшествующим согласным и смягчает его; ср. *te:kua* (О.) «его или ее мать» из *maia* «мать» + *ekura* «его, ее», *nje:kua* (О.) «его, ее отец» из *kjeia* «отец» + *ekura*.

Из всех согласных только сонанты — длительные, носовые и плавные — выступают в середине слова с нулем гласного, непосредственно примыкая к последующему согласному, например в словах *kantja* «вершина», *bartja* «блеск», *ilkuma* «есть, кушать», *wonka* «молодая незамужняя женщина» и др.

После беглого обзора консонантизма можно теперь обратиться к рассмотрению сложного вопроса о вокализме аранта. В записях разных исследователей, а нередко одного и того же, гласные одного слова часто воспроизводятся по-разному. Так, *tepa* «хребет, спина» встречается у Штрелова-отца еще в следующих вариантах: *tipa*, *tapa*, *topa*, *etopa*; указательное местоимение «этот» — в разновидностях *bina*, *bena*, *bana*, для обозначения угля находим *barka* (Ш.), *birka* (К.), *apirka*, *purka* (Сп.) и т. п.

Чтобы разобраться в пестроте обозначений гласных, необходимо учитывать позиционные влияния согласных. С точки зрения оказываемого ими на соседние гласные воздействия все согласные можно разделить на три разряда: 1) палатальные и палатализованные согласные (как *k'*, *n'*, *l'*, *r'*), 2) лабиальные и лабиализованные согласные (*p*, *pt*, *m*, *tw*, *kw*, *pw* и др.) и 3) нейтральные согласные (*t*, *k*, *n*).

После нейтральных согласных и в конце слова обычно выступает самый широкий гласный *a*, например *ata* «я», *pama* «травя», *kata* (западный диалект) «отец» и т. д. В соседстве с палатальным согласным гласный приближается или превращается в *e*, *i* [ср. *deta*, *detia* (К.), *ditja* (Ш.), *teitsha* (Сп.) «зубы», где средненебное *k'* смягчает предшествующий гласный]. В соседстве с лабиальным или лабиализованным согласным гласный огубляется и приближается к *o*, *u*; ср. *arpa* (Ш.) «змея», но у Сп. *obma* и даже *wobma*; ср. еще *bota* «гора», у Штрелова-отца еще *bota* «куча». Штрелов-сын фиксирует *patta* «гора» для всех диалектов, кроме северного, для которого он приводит *botta*, но в сочетании *potaltura* «пещера» мы находим у него без всякой диалектной отметки *poŋa*, у Сп. *perta* (где *r*, как в англий-

ском, обозначает долготу предшествующего гласного), Кемпе же отмечает *puta* в значении «камень, холм, гора».

Воздействие согласного может сказываться не только на последующем, но и на предшествующем гласном, что придает огласовке слова весьма неустойчивый и зыбкий характер. Ср., например, *itapmara* (К.), *chipmāra* (Сп.), *tjubmara* (О.) и южно-диалектн. *itibmara* (О.) «ногти». Слогу *iti-* или *ita-* в начале первого варианта во втором варианте соответствует *tji-*, в четвертом — *iti-*, а в третьем — *tj-* с нулем гласного, поскольку следующий за *tj-* гласный *i* тяготеет к последующему согласному — губному моментальному носовому. Ср. другие примеры этого же рода: *idunta* (К.), *itunta* и *tjunta* (Ш.) «желудок»; *itanja* (О.) и *tjenja* (Ш.) «длинный»; *itarinama*, *tjarinama* (К.), южно-диалектн. *itarayama*, в северном и западном диалектах *tjarayama* (О.) «тянуть»; *tjipa* (Ш.) и *etopa* (К.) «нояс»; *ita* и *itja* (Ш.) «вши». Ср. еще слова с исходом на *-ita*, *-itja*, *-atja*: *tnimatja*, *tnimita* (Ш.) и *idnimita* (Сп.) «личинки на кустах тнимы»; *tnurungatja* (Ш.) и *udnirringita* (Сп.) «гусеницы на кустах тнурунги», *ilkalatja* и *ilkalita* (Ш.) «личинки в корнях кустов илькалы»; *parita* и *paratja* (О.) «хвост змеи» и др.

Сходным образом лабиализованное *kw* выступает в вариантах *ok*, *uk*, *ko*, *ku*, *uku*, *kw*. Ср. *goda* (К.), у Штрелова-отца *kwata*, но также *okuta* «яйцо» (*okuta* в составе сложного слова *ptokuta* «змеиное яйцо» из *pma* «змея» и *okuta*); *kwana* и *okuna* (Ш.) «внутри»; *kwara* и *kura* (Ш.) «девушка», *querka* (Сп.; в составе сложного слова *ambaquerka* «маленький мальчик») и *kurka* (Ш.) «маленький». Для лабиализованного *tw* напомним о вариациях типа *atua*, *atua*, *atuwa*, *atuwa* (О.) «охотник», приведенных выше. Штрелов-отец систематически пишет *atua*, но один раз отмечает *uta* (в названии местности *Utatara*, буквально: «два охотника» из *uta* = *atua* «охотник» и *tara* «два»).

Так как сочетание обладающих добавочной тембровой артикуляцией согласных с гласным можно при желании представить в виде сочетания нейтрального согласного с гласным переднего или заднего ряда, то Соммерфельт в некотором роде прав, когда он не выделяет лабиализованных фонем в аранта, но зато признает фонематичность гласных *i*, *u* и *a*. Но такой подход влечет за собой некоторые шероховатости. Так, становясь на точку зрения Соммерфельта, мы должны будем считать, что, например, палатальность среднеязычного *k'* в слове *tjubmara* является фонетической реализацией гласного *i*, выступающего один раз в варианте *itapmara* и дважды в *itibmara*. Нам представляется более рациональным считать согласные основными носителями смыслоразличительных признаков в аранта и, следовательно, не признавать за гласными самостоятельной фонематической значимости. Говоря иначе, мы считаем, что гласные и согласные могут быть выделены в аранта лишь с фонетической, а не фонологической точки зрения. Фонологически основной звуковой единицей в аранта является не гласный и даже не в отдельности взятый согласный, а целый звуковой комплекс, в котором основная смыслоразличительная нагрузка падает на согласный. Эту своеобразную фонологическую единицу можно было бы назвать слоговой фонемой, если бы не то обстоятельство, что фонетически она не всегда реализуется как слог. Иногда она сокращается в своем объеме до согласного с нулем гласного, как, например, *k'* в *tjubmara* (где следующий за *k'* гласный *i* уже тяготеет фонологически к следующему согласному), а иногда переступает границы одного слога и составляет два фонетических слога (например, *iti* в *itibmara*) и даже три, как в *atua*, *atuwa* «охотник». Термин «слоговой фонема» представляется в силу этого не весьма удачным, и в дальнейшем я буду называть эту специфическую фонологическую величину — «протофонемой».

Утверждая, что ядром протофонемы является согласный элемент, что

на нем лежит основная тяжесть смысловозначения, я вовсе не склонен отрицать фонологичность гласного элемента протофонемы. Поскольку лабиальность или палатальность не ограничивается согласным и распространяется на соседний гласный, носителем дифференциального признака становится в известной мере и гласный элемент. Дифференциальный признак огубления или онебления как бы разливается, таким образом, по всей протофонеме, часто захватывая все элементы, входящие в ее состав. Лишь в той мере, в какой гласный элемент остается нейтральным, т. е. сохраняется как *a*, без примеси тембровой окраски, он не участвует в смысловозначении. Но и в этом случае гласный играет определенную фонологическую, хотя и не смысловозначительную роль.

Гласный элемент выступает в аранта как носитель делимитативной и кульминативной функций. Поскольку каждое слово (за исключением именной и глагольной формы обращения с *-ai* или *-ai* в исходе) оканчивается в аранта на *-a*, гласный *a* тем самым оказывается показателем абсолютного исхода слова и содействует отграничению одного слова от другого в потоке речи. Поскольку, с другой стороны, в середине слова гласные, как правило, подвергаются воздействию соседних согласных и получают тот или иной тембр, изменение тембровой окраски содействует внутреннему сплочению слова, показывая, что перед нами середина, а не конец слова. Эту функцию гласный элемент выполняет вместе с плавными и носовыми, которые, как уже упоминалось выше, выступают в середине слова с нулем гласного, непосредственно примыкая к последующему согласному. Гласный элемент, кроме того, является еще носителем словесного ударения. При всем этом гласный лишен самостоятельного значения и вместе с согласным образует единое целое — протофонему, поскольку гласные в такой фонетической системе не противостоят согласным как смысловозначительные величины¹.

Протоиндоевропейская звуковая система с одним гласным, восстанавливаемая рядом исследователей вслед за Ф. де Соссюром, может быть поднята в свете приведенных выше данных как система протофонем. Явление протофонемы с характерным для него своеобразным переплетением консонантных и вокалических признаков способно, думается нам, оказать существенную помощь при исследовании ряда индоевропейских фонетических процессов. К таким процессам, помимо апофонии гласных, приведшей к постановке самой проблемы моновокализма, относится еще ряд специфических процессов в области консонантизма, которые можно было бы назвать процессами «конверсии согласных». Не ставя перед собой задачу сколько-нибудь подробно осветить вопрос о реликтах протофонем в индоевропейских языках, мы попытаемся здесь в самых общих чертах охарактеризовать процессы конверсии согласных.

Процессы этого рода лежат, как нам кажется, в основе развития индоевропейских заднеязычных согласных. В сравнительной фонетике

¹ Уже после написания статьи мне удалось познакомиться с новой работой, посвященной сравнительному изучению австралийских языков, — книгой А. Келлеса [A. C a p e l l, A new approach to Australian linguistics. Handbook of Australian languages, pt. I («Oceania linguistic monographs», № 1), Sydney, 1956]. Автор нового исследования находит в австралийских языках три основных гласные (*a*, *i*, *u*), но при этом он отмечает зыбкость границ между отдельными гласными и их зависимость от соседства согласных (стр. 3). Особенно важным в плане развиваемых в данной статье мыслей является указание на наличие в австралийских языках согласных лабиализованных (*k^w*, *ŋ^w* и др.) и палатальных (*d'*, *l'*, *n'*), определяющих, по нашему мнению, тембр сопутствующего гласного.

индоевропейских языков известны три ряда заднеязычных смычных согласных: 1) чистые заднеязычные (k , g , gh), 2) лабиализованные (k^w , g^w , g^wh) и 3) палатальные (k' , g' , $g'h$). Такая реконструкция, однако, признается далеко не всеми исследователями. Вплоть до последнего времени в науке наблюдаются попытки свести перечисленные три ряда к двум — чистому заднеязычному и лабиализованному либо чисто язычному и палатальному¹. Дело в том, что ни в одном конкретном индоевропейском языке не представлены все три серии согласных одновременно; одни индоевропейские языки (типа *satəm*) знают только чистый и палатальный ряд, а другие (типа *centum*) — только чистый и лабиализованный ряд. Некоторые исследователи считают изначальным то состояние, которое представлено в языках *satəm*. В языках *centum* эти ученые усматривают отклонение от первоначального состояния. Другие исследователи, наоборот, исходят из типа *centum* как общиндоевропейского и приписывают инновацию языкам *satəm*. Положение осложняется еще тем обстоятельством, что представленные в языках каждой группы два ряда заднеязычных не четко отграничены друг от друга. Так, в группе *satəm* в корнях с палатальным могут встретиться не только палатальные, но и чистые заднеязычные (ср. др.-инд. *asmā* «камень» и ст.-слав. **камѣ**, литовск. *akmuo* «камень»; др.-инд. *śasati* «режет» и ст.-слав. **коса**; ст.-слав. **слушати** и латышск. *klausīt* «слушать»). Соответственно в группе *centum* в корнях с лабиализованными встречаются не только лабиализованные, но и чистые веларные (ср. лат. *sequor* «следую» и *socius* «соучастник»; гот. *hwairnei* «череп» и греч. *κῆρυξ*; греч. *πέλω* «двигаюсь» от корня *k^wel-* и *κλωττήρ* «клубок, моток»). Наконец, в объяснении нуждается и тот факт, что, как отмечает А. Мейе, перед индоевропейским *a* встречаются лишь чистый заднеязычный².

Затруднений станет меньше, если допустить, что индоевропейские заднеязычные смычные всех трех рядов были не обычными согласными, а протофонемами. Мы видели, что добавочный признак палатальности или огубления в протофонеме не сосредоточен в одном лишь согласном ее элементе, а, как правило, распространяется на гласный призвук, окрашивая его в соответствующий тембр. Лабиализованная протофонема *kw* может, как мы видели, выступать то как *kwa* (т. е. как лабиализованный согласный в сочетании с нейтральным гласным), то как *ku*, *uk*, *uki* (т. е. как чистый заднеязычный в сочетании с задним гласным). Эта подвижность дополнительной артикуляции, ее способность «блуждать» в пределах протофонемы, присоединяясь то к ее консонантному ядру, то к вокалическому призвуку, делает понятным чередования лабиализованных заднеязычных и чистых в языках *centum*. Ср. греч. *γυνή* «жена», где редуцированный корневой гласный выступает в виде *u*, а начальное *g^w* потеряло свою лабиальность, и беот. *βᾱνξ*, представляющее ту же редуцированную ступень корня, но с сохранением лабиального признака в согласном (вследствие чего *g^w > β*) и с нормальным для греческого языка отражением редуцированного гласного в виде *a*. В исходе корня находим в греческом *-uk* в *λύκος* «волк», *νύξ* «ночь» с нелабиальным *k* после огубленного гласного. Делабialiзация согласного наблюдается также

¹ См.: В. Георгиев, Индоевропейские гутуралы, «Годишник на Софийския ун-т, ист.-филол. фак-т», т. XXVIII, кн. 6, София, 1932; J. Kuryłowicz, *Études indoeuropéennes*, стр. 1 и сл.; его же, *L'apophonie en indoeuropéen*, Wrocław, 1956, стр. 356 и сл.

² А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 119.

в основной ступени перед *o*; ср. лат. *collum*, гот. *hals* «шея» и др.-исландск. *hvel* «колесо» от корня *k^wel-*; гот. *haims* «дом» и *hweila* «время» от корня *k^wei-*¹; в исходе корневого слога после *o*: греч. ὄχιον (Гес.) «глаз», гот. *aha* «мысль, разум» (ср. греч. ὤφ «глаз», род. падеж ὠψός; с π из *k^w*²). Чередования лабиализованного и чистого заднеязычного не могли, разумеется, удержаться в условиях регулярного формообразования, и аналогические образования выровняли в большинство случаев эти расхождения. Но многочисленные реликты, сохранившиеся в изолированных формах, позволяют сделать вывод о широком распространении подобных чередований в прошлом.

Исконному чередованию лабиализованных и чистых заднеязычных языков *centum* соответствует в языках *satem* параллельное чередование палатальных и чистых заднеязычных. Ср. русск. *ксса* и др.-инд. *śasati* «рожет» от корня *k'es-*; литовск. *haimas* «село», и литовск. *šeima* «семья» (корень *k'eim-*); др.-инд. *kṛhas* «волк» и русск. *сука* (корень *k'euk-*); ст.-слав. *цѣѣѣ* «труба» и литовск. *šeiva* «шпилька, катушка» (корень *k'eiv-*). Чередования этого рода также могут быть объяснены с помощью протофонемы. Среднеязычная смычная протофонема *k'* могла реализоваться либо как *k'* с нейтральным гласным, либо как *k* с передним гласным. С обособлением гласных и развитием апофонии протофонема типа *k'* могла войти в новую звуковую систему в виде слога *ke*, *ki* (или в исходе слова *ek*, *ik*) и, следовательно, на фоне новых отношений восприниматься как сочетание чистого заднеязычного с передним гласным. Подобное осмысление должно было повлечь за собой появление чистого заднеязычного и в других ступенях корня (т. е. перед гласными заднего ряда). Действительно, на основании многих реликтов чистого заднеязычного в изолированных формах корней с индоевропейским среднеязычным можно считать, что первоначально чередование среднеязычного и чистого заднеязычного в корнях этого типа было распространено гораздо шире. В дальнейшем ходе развития подобные чередования в основной своей массе были устранены аналогическими образованиями, что можно, думается мне, объяснить следующим образом.

Как среднеязычные, так и лабиализованные согласные обнаруживали в протоиндоевропейскую эпоху тенденцию к слиянию с чистыми веларными. Эта тенденция могла осуществиться в той мере, в какой ей не препятствовали реальные смысловые различия корней. Поскольку, однако, в ряде случаев слияние лабиализованных и палатальных заднеязычных угрожало смешением разных слов и ростом омонимии, звуковые различия не только сохранялись, но отчасти даже усиливались. Развитие пошло при этом двумя путями. В одних языках (тип *satem*) лабиализованные полностью делябиализовались и превратились в чистые заднеязычные, что вызвало сохранение и усиление палатальной артикуляции (вплоть до превращения палатального смычного в аффрикату и затем в щелевой согласный). В других языках (тип *centum*) палатальные полностью примкнули к чистым заднеязычным, что привело к удержанию лабиализованных заднеязычных и усилению их дополнительной артикуляции (вплоть до превращения их в губные). В таком размежевании серий основную роль играло противопоставление палатальных корней лабиализованным. Корни со старой чистой заднеязычной протофонемой в основном не участвовали в таком противопоставлении. Дело в том, что в нейтральных протофонемах, какими были чистые заднеязычные, согласный элемент обычно, как мы видели,

¹ Э. Прокош, Сравнительная грамматика германских языков, М., 1954, стр. 65.

² В. Георгиев, указ. соч., стр. 26.

сопровождался нейтральным гласным, более или менее близким к *a*. С фонемизацией гласных тяжесть смыслоразличения в таких корнях легла на корневой гласный *a*, не принимающий участия в апофонии. Это предохранило их от смешения с другими корнями, в которых чистый заднеязычный возник из палатальных или лабиализованных заднеязычных протофоном. Заметим, что тем самым находит себе объяснение давно отмеченное в науке особое предрасположение исконных чистых заднеязычных к гласному *a*.

Проявляющийся в развитии индоевропейских заднеязычных процесс конверсии сводится, таким образом, к частичному или полному совпадению согласных в результате распада старых протофоном. Такому процессу конверсии подвергались в протоиндоевропейскую эпоху не только заднеязычные согласные, но также реконструированные де Соссюром и частью подтвержденные хеттским языком «ларингалы». Эти согласные [к которым, помимо ларингальных в собственном смысле слова, относятся, видимо, также ряд глубокоязычных (язычковых и зевных) согласных] отличались общей для них специфической способностью сообщать соседнему гласному не только определенную тембровую окраску, но также — при известных условиях — долготу и другие просодические качества, а после этого исчезать, как бы полностью растворяясь в гласных. Благодаря этому своему свойству, ларингалы сыграли решающую роль в процессе фонемизации протоиндоевропейских гласных и в становлении системы апофонии. Вопрос о количестве и качестве индоевропейских ларингалов окончательно еще не решен и принадлежит к числу наиболее спорных вопросов ларингальной теории. Некоторые трудности этой проблемы могут, как нам кажется, отпасть, если исходить из теории протофонемы.

Чтобы согласовать теорию апофонии гласных с конкретными данными хеттского языка, необходимо предположить, что в протоиндоевропейскую эпоху имелось, по меньшей мере, три или четыре ларингала. Только два из них нашли, по мнению Е. Куриловича, непосредственное отражение в хеттском $\dot{h}$, а именно a_2 , превращающий основной индоевропейский гласный *e* в *a* (ср. хет. *ḫanti*, греч. $\alpha\nu\tau\acute{\iota}$) и a_3 , окрашивающий основной гласный в тембр *o*; ср. хет. *ḫastai* «кость», греч. $\delta\alpha\sigma\acute{\epsilon}\nu$. Остальные ларингалы (a_1 , оставляющий тембр основного гласного *e* без изменения, и a_4 , окрашивающий основной гласный так же, как и a_2 , в тембр *a*) не имеют в хеттском прямых отражений и подсказываются лишь нуждами реконструкции общиндоевропейской звуковой системы. На основе показаний хеттского языка ряд сторонников ларингальной теории (в особенности представители датской школы) считают возможным восстанавливать всего лишь один ларингал, принимая его только для объяснения исконных долгот и отрицая роль ларингалов в формировании качественной апофонии. Стремление свести число индоевропейских ларингалов к одному поддерживается еще и тем фактом, что в хеттском языке, если рассматривать его синхронически, представлен в сущности лишь один ларингал. Правда, в хеттских текстах наряду с $\dot{h}$ встречается также hh , которое, видимо, отличалось от первого ларингала как сильный или глухой согласный от слабого или звонкого; однако распределение этих звуков в системе хеттского языка таково, что их можно рассматривать как позиционные варианты одной фонемы: первый из них в середине слова встречается только после *e*, второй же — только после *a*; ср. хет. *meḫur* «время», *seḫur* «моча» и, с другой стороны, *raḫḫur* «огонь», *laḫḫa* «война, поход»¹.

¹ Подробнее об этом см.: В. В. Иванов, Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии, «Вестник Моск. ун-та», Ист.-филол. серия, 1957, № 2, стр. 23 и сл.

То обстоятельство, что в хеттском языке практически представлен лишь один ларингал, не может, как нам думается, служить основанием, чтобы отвергнуть предположение о большем числе ларингалов в общиндоевропейскую эпоху. Факт позиционного распределения *h* и *hh* в хеттском языке не приходится считать случайным. Его можно объяснить как следствие конверсии двух первоначально независимых ларингальных протофонов.

Определяя первоначальное число ларингалов, необходимо иметь в виду, что ларингалы — это общиндоевропейская, а не специально хеттская или анатолийская проблема. Не следует забывать, что основой для реконструкции ларингалов послужил прежде всего анализ общиндоевропейских данных. Если хеттский ларингал подтверждает лишь часть восстанавливаемых для общиндоевропейской эпохи ларингалов, то это может означать, что темпы исчезновения разных ларингалов были различны и что с этой точки зрения их можно поделить на более и менее устойчивые. Хеттский ларингал с его двумя позиционными вариантами свидетельствует, с нашей точки зрения, о слиянии двух относительно устойчивых ларингальных протофонов, из которых одна обладала признаком палатализации, а другая признаком веляризации.

На основании всего изложенного можно предположить, что протоиндоевропейские ларингальные протофонемы, так же как и заднеязычные смычные, делились на протофонемы, консонантное ядро которых видоизменяло тембр гласного призвукa, и протофонемы, нейтральные в этом отношении. Нейтральные ларингальные протофонемы сочетали согласный элемент с призвуком *a*, и в дальнейшем, при распаде, протофонемы, как и чистые заднеязычные, сохраняли это качество гласного. Большое число индоевропейских корней с начальным *a*, вроде хетт. *attaš*, гот. *atta* «отец» и т. д., предполагает, таким образом, нейтральную ларингальную протофону. Остальные ларингальные протофонемы окрашивали гласный призвук в палатальный или велярный тембр, что создавало необходимые предпосылки для обособления гласных и конверсии ларингалов перед полным их исчезновением. Процессы палатализации и веляризации при ларингалах хорошо засвидетельствованы в семитических и некоторых других языках, в которых звуки этого рода широко представлены¹.

¹ В этом плане большого внимания заслуживает статья Н. В. Юшманова, посвященная ларингальным в семитических, хамитских и кавказских языках (см. Н. В. Юшманов, Семито-хамито-яфетические сжато-гортанные, сб. «Язык и мышление», XI, М.—Л., 1948, стр. 395 и сл.